

Се Чжэн покосился на Лу Лу:

— Ты чего? Кто тебе на хвост наступил?

— ... — Лу Лу спросил в ответ: — С чего ты вдруг так решил?

— А разве не похоже? — парировал Се Чжэн.

Лу Лу поднял руку и накрыл ладонь Се Чжэна, которая всё еще мягко перебирала его волосы. Его длинные пальцы сомкнулись на крепком запястье Альфы, причем хватка была довольно сильной. Лу Лу прижал ладонь Се Чжэна к своей щеке.

Се Чжэн почувствовал на тыльной стороне кисти его прерывистое, жаркое дыхание. В темноте грудь Лу Лу тяжело вздымалась.

Он снова спросил:

— Почему ты так решил? Дядя Се, ты...

— Ребенок у нас есть, я приехал к тебе домой на Новый год — с чего бы это не было похоже на семью?

Дыхание Лу Лу стало еще более неровным. На его вопрос, несомненно, могло быть множество ответов, и ответ Се Чжэна, безусловно, лучше всего подходил к текущей ситуации.

Лу Лу знал, что именно он хотел услышать. Единственное, чего он жаждал — это те самые простые слова, три или четыре иероглифа. Он понимал, что не стоит продолжать расспросы, но в душе всё равно шевелилось чувство неудовлетворенности.

Возможно, пальцы Се Чжэна, так мягко поглаживавшие его висок, были слишком нежными, и Лу Лу не захотел упускать этот шанс.

Он кривовато улыбнулся: — Дядя, а может, ты вдруг осознал, что я чертовски хорош собой, и подумал, что было бы неплохо так и продолжать? Хм-м... Но разве люди не говорят, что сознание — это лоно, в котором рождаются мысли? Если такая мысль возникла, не значит ли это, что она существовала изначально по... по какой-то причине?

Тон Лу Лу был легким и игривым, как у смышленного ребенка, выпрашивающего награду у взрослого, но пальцы на запястье Се Чжэна сжимались всё крепче.

Какое еще лоно сознания? Се Чжэн перехватил руку Лу Лу, чувствуя одновременно смех и легкое раздражение, отчего уголок его рта дернулся:

— Ты что, великий философ, среди ночи решил впасть в просветление вместо того, чтобы спать?

Едва он договорил, как со стороны маленькой кровати донесся тонкий, похожий на кошачий, плач Се Цзи. Лу Лу тут же вскочил.

Се Цзи уже немного подрос, но всё еще требовал еды каждые пять-шесть часов. Как раз пришло время кормления.

Лу Лу взял бутылочку, которая стояла в подогревателе, и прижал малыша к себе. Получив молоко, Се Цзи перестал хныкать. Допив половину бутылочки, он закрыл глаза, вцепившись

крошечной ручкой в воротник домашней одежды Лу Лу.

Лу Лу завороченно коснулся пальцем щеки младенца, бормоча себе под нос:

— Когда же ты заговоришь? Когда сможешь позвать меня «папа»?

Се Чжэн впервые поймал себя на мысли, что сцена кормления ребенка выглядит на удивление... притягательно. Но поскольку он всё еще находился в периоде воздержания, предписанном врачами, Се Чжэн лишь тихо цыкнул. Он закусил указательный палец у основания большого пальца, и резкая боль от клыков наконец принесла ему небольшое облегчение.

В общей сложности Се Чжэн пробыл в доме Лу Лу три дня. На третий день Лу Лу должен был вернуться в университет для регистрации на новый семестр.

Се Чжэн подвез его к воротам. Лу Лу наклонился, поцеловал Се Цзи в щечку и только после этого вышел из машины.

Шел второй семестр третьего курса. Однокурсники уже вовсю определялись: идти в магистратуру или искать работу. Те, кто выбрал работу, в большинстве своем уже нашли стажировку; самые шустрые начали работать еще на зимних каникулах. Те, кто метил в магистратуру, обложились учебниками и тестами.

Но какой бы путь они ни выбрали, видаться они стали гораздо реже. Поэтому, пользуясь началом семестра, Сун Цинъюань забронировал зал в ресторане, чтобы все могли собраться.

Всего на курсе скульптуры было девять человек, но поскольку Сун Цинъюань вел занятия и у других курсов и специальностей, а студенты привели своих друзей, в итоге на ужин собралось сорок два человека.

Лу Лу пришел позже всех, когда в зале уже было шумно.

Цуй Сунбо помахал ему:

— Давай сюда, садись.

Лу Лу с любопытством разглядывал друга. За каникулы Цуй Сунбо успел найти работу ассистентом на базе анимации — помогал режиссеру рисовать раскадровки. Он был в костюме, волосы зачесаны назад — выглядел бодро и заметно взрослее, чем до праздников.

Другие ребята, выбравшие работу, тоже казались повзрослевшими. Впрочем, если говорить о взрослении...

Лу Лу подумал: «А у меня уже ребенок есть». Если сказать об этом вслух, однокурсники, наверное, замертво упадут от шока.

Цуй Сунбо принялся:

— Чем это от тебя пахнет? Молоком?

Лу Лу притворно понюхал рукав:

— Да? А я не чувствую... Пфф...

— ? Ты чего смеешься?

Лу Лу с самым серьезным видом выпрямился:

— Не смеюсь я.

— ? — Цуй Сунбо не унимался: — Ты-то определился? Магистратура или работа? Младший учитель Сун сказал, что только ты еще не сдал анкету.

Лу Лу прищурился и улыбнулся. Цуй Сунбо, глядя на него, даже разволновался:

— Ты же всегда был сообразительным! Пора уже решить. Ты же у нас самый перспективный парень на деревне, великое будущее впереди.

Перспективы. Будущее. Лу Лу улыбался, поджав губы.

Цуй Сунбо добавил:

— Если не можешь решиться, спроси совета у знающих людей.

Эти слова натолкнули Лу Лу на мысль.

Когда подали еду и все занялись поглощением блюд, Лу Лу спрятал телефон под столом и написал Се Чжэну.

Се Чжэн ответил через пару минут: «Чего?»

[Deer]: Хочу проконсультироваться по одному вопросу.

[Ce]: Говори.

[Deer]: Дядя, как ты думаешь, мне идти на стажировку или в магистратуру?

[Ce]: Карьерная консультация? Разве это не работа вашего учителя Суна?

[Deer]: Хочу услышать именно твое мнение.

[Ce]: Как хочешь.

[Ce]: Хочешь работать — работай, хочешь в магистратуру — учись спокойно.

[Ce]: Твой муж в состоянии тебя обеспечить.

Легкий, небрежный тон. За этими словами Лу Лу словно видел, как Се Чжэн, лениво усмехаясь, набирает ответ.

Се Чжэн всегда был таким: никакой растерянности, даже если небо упадет на землю — для него это лишь мелкая неприятность, которую нужно просто отодвинуть в сторону.

Вечером Лу Лу зашел в кабинет к Сун Цинъюаню и отдал заполненную анкету.

Сун Цинъюань, увидев галочку напротив графы «стажировка», вздохнул:

— Что ж, тоже вариант. — Он помолчал и спросил: — Уже нашел место?

Лу Лу улыбнулся: — «Звездный клинок».

Сун Цинъюань опешил:

— Ты подал туда резюме? Хм? Се Чжэн лично одобрил? — Он рассмеялся: — Вы с Се Чжэном, я смотрю, совсем сблизились. Даже не знал, что вы настолько подружились.

Просто компания Се Чжэна занималась умным оборудованием, что никак не пересекалось со скульптурой. Учитывая уровень Лу Лу и его награды, он мог бы найти стажировку более профильную, чтобы сделать портфолио эффектнее.

Словно заметив сомнения учителя, Лу Лу сказал:

— Учитель Сун, я просто хочу спокойно подготовиться к дипломной работе.

На факультете искусств выпускной — это общая выставка. Каждый должен представить серию работ. За прошедшие годы лучшие произведения даже уходили с молотка за миллионы.

Сун Цинъюань догадался, что Лу Лу решил принести в жертву престижную стажировку ради возможности блеснуть на выставке. Направление работ Лу Лу было им утверждено, поэтому учитель со знанием дела облегченно выдохнул:

— Ладно.

Выйдя от Сун Цинъюаня, Лу Лу заглянул в мастерскую. Темой его скульптур было «Великая мягкость и великая твердость».

Первая работа уже начала обретать форму — он трудился над ней с конца прошлого семестра: человеческое тело, извивающееся, словно лента, с танцующими конечностями. Гибкое, изящное, оно стояло на цыпочках на плетеном стуле, сохраняя баланс и будучи преисполненным жизненной силы.

Лу Лу встал, чтобы взять чертежи. На обратном пути его нога внезапно подкосилась, он рухнул на пол, а карандаши и бумага со звоном рассыпались вокруг.

— ... — Лу Лу присел, обнаружив, что его самый дорогой механический карандаш деформировался при падении.

Он поднял погнутый карандаш и заметил, что его указательный палец неестественно дернулся в спазме.

— Эх, — Лу Лу глубоко вдохнул и с улыбкой выдохнул: — Эх-хе-хе...

Когда человек занят, время летит невероятно быстро. Се Чжэн вел несколько проектов.

Лу Лу один раз неудачно покрасил волосы, за что получил нагоняй от Се Чжэна, потому что они стали жесткими на ощупь, но к этому времени прическа вернулась в норму.

Се Цзи из крохи, умевшей только похныкивать, превратился в сорванца, который начал звать «папу». Год пролетел как одно мгновение, оставив на каждом свои, пусть и не всегда заметные, следы.

Когда Лу Лу выпускался, Се Чжэн выкроил время, чтобы посетить выпускную выставку университета Y. Скульптуры Лу Лу стояли в самом центре павильона.

Темные стены, и только холодный белый свет падал сверху. Танцующие люди, журавли, расправляющие крылья, шелк, напоминающий плывущие облака — всё это возвышалось на твердых постаментах. Зал казался таинственным и призрачным, будто в нем танцевали духи. Посетители выставки не скрывали восхищения, вполголоса обсуждая увиденное.

Се Чжэн прислонился к стене, скрестив руки на груди: — Студент Лу, ты выглядишь таким солнечным парнем, почему же твои работы такие мрачные?

Лу Лу прищурился: — На самом деле это всё свет. Цуй Сунбо говорил, что если поставить розовые лампы, скульптуры будут выглядеть очень эротично.

Се Чжэн, честно говоря, даже не слушал, что он там говорит. Молодой Альфа сегодня впервые надел костюм — подтянутый, свежий, волосы собраны сзади в пушистый хвостик. Настоящий художник.

Се Чжэн огляделся, убедившись, что на них никто не смотрит. Он поднял руку, снял свой зажим для галстука с рубином, прикоснулся к нему губами и приколот на галстук Лу Лу. Кадык Лу Лу судорожно дернулся.

— Захотелось. Господин великий художник, — голос Се Чжэна был тихим и хриплым. — Найдем место.

Как бы раскрепощен не был Се Чжэн, он не собирался делать это прямо в университете.

Один за другим они вышли из павильона и зашли в первую попавшуюся гостиницу неподалеку. Гостиница была дешевой, внутри пахло сыростью. В коридоре были навалены чемоданы и одежда — многие приехали специально на выставку. Из глубины коридора доносились характерные звуки: молодые горячие парочки не сдерживали голосов, добавляя этой сырой гостинице нотки интима.

Войдя в номер, Се Чжэн дернул Лу Лу за галстук, притягивая к себе, и впился в его губы, словно леопард. Лу Лу тихо рассмеялся, обхватил Се Чжэна за талию и немного приподнял его. Деревянная дверь тут же издала пронзительный скрип.

Се Чжэн вздрогнул и в шутку выругался:

— Твою мать.

Он переменил позу, прислонившись в другом месте. Лу Лу начал покрывать поцелуями его подбородок, скользя мягким горячим языком по кадыку, а затем прикусил зубами верхнюю

пуговицу рубашки.

Се Чжэн закинул голову, издавая низкое, невнятное рычание — точь-в-точь большой кот, которого чешут в правильном месте. Когда они сплелись еще теснее, черная рубашка Се Чжэна уже небрежно висела на плечах.

Он обвил руками шею Лу Лу, жадно ловя воздух:

— ...Презервативы... в кармане... достань.

Из Weibo Лу Лу (5 месяцев назад)

@Deer: Наш малыш научился звать папу. Х предложил как-то разделить обращения, но я сказал, что и так хорошо. Папа — это и ты, и я. Одно слово на двоих — как удобно!

<http://bllate.org/book/17015/1608547>